

Близнецы

Наталья Никольская

Не ходите девки в лес

«Научная книга»

Никольская Н.

Не ходите девки в лес / Н. Никольская — «Научная книга»,
— (Близнецы)

Детектив из серии «Близнецы» Натальи Никольской

© Никольская Н.

© Научная книга

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ВТОРАЯ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	23

НАТАЛЬЯ НИКОЛЬСКАЯ НЕ ХОДИТЕ, ДЕВКИ, В ЛЕС...

ГЛАВА ПЕРВАЯ (ОЛЬГА)

Все-таки, что ни говори, а лето – самое замечательное время года. Сегодня я в очередной раз смогла в этом убедиться.

Я приехала в Зоналку к своей подруге Наташе погостить. И, уже идя по тропинке к ее дому, чувствовала, что душа моя прямо поет от радости. Кругом зеленели деревья, трава, птицы просто заливались веселым щебетаньем, легкий ветерок шевелил мои распущенные волосы, и так было хорошо, что хотелось запеть.

Когда я увидела Наташу, идущую мне навстречу, мне захотелось кинуться к ней на шею от счастья.

Не в силах удержаться, я с радостным визгом подлетела к ней и повисла на Наташиной шее.

– Осторожно, – смеясь, прикрикнула она на меня. – Сломаешь!

– Наташка! – закричала я с веселой улыбкой. – До чего же я рада тебя видеть! Как все-таки здорово жить на свете, правда?

– Да... – согласилась Наталья, но как-то неуверенно.

Я не придавала значения ее интонации, подумав, что Наташа просто стесняется моего такого бурного проявления чувств. Но, как потом выяснилось, зря я была столь беспечна. Ой, потом, кстати, такое выяснилось... Но не буду забегать вперед, лучше я обо всем расскажу по порядку.

Так вот, пошли мы с Наташей по тропинке домой, я ей рассказывала о своих делах, о том, как чувствуют себя дети, как в очередной раз мы расстались с мужем, чем занимается моя родная сестра Полина...

– Слушай, – перебила вдруг меня Наташа. – Я так и не могу понять: ты ведь говорила, что вы с Полиной близнецы?

– Да, близнецы, – подтвердила я.

– Но судя по тому, как ты ее описываешь, создается впечатление, что вы абсолютно разные!

– Абсолютно разные! – снова подтвердила я. И даже тряхнула головой в подтверждение.

– Но как же тогда? – продолжала недоумевать Наташа.

– А вот так! – загадочно улыбнулась я, не став ничего объяснять.

– Ну какая она все-таки, твоя Полина, какая? – не отставала Наташа.

– О-о-о! – снова улыбнулась я. – Полина у меня просто прелесть! Не буду даже говорить ничего. Вот познакомишься с Полиной, бог даст, сама поймешь. Полину – ее узнать нужно.

Когда мы подошли к дому, нас встретила Наташина мама, Светлана Дмитриевна. Я давно знала ее и очень любила. Дело в том, что с Наташей мы вместе учились в университете на биологическом факультете на отделении психологии. Потом у Наташи появились какие-то проблемы со здоровьем, она часто жаловалась на плохое самочувствие, мне несколько раз приходилось писать за нее курсовые работы, потому что ей тяжело было этим заниматься, да и времени не было, и ездить далеко – живет все-таки в Зоналке, – и в конце концов Наташа все-таки рассталась с университетом после второго курса.

Правда, хорошие отношения мы с ней сохранили, продолжая периодически встречаться. Она давно уже звала меня к себе погостить, я много раз собиралась и вот, наконец, выбрала время.

– Оленька! – улыбаясь и целуя меня в обе щеки, поприветствовала Светлана Дмитриевна. – Рада тебя видеть. Чудесно выглядишь! Видно, все хорошо у тебя?

– Хорошо, – ответила я машинально, не став даже углубляться в анализ того, действительно ли у меня все хорошо, так себе или же совсем хреново. Сейчас не время выливать на людей свои проблемы. Вот чуть-чуть пообвыкнусь – тогда и можно будет и поделиться, и поплакаться даже.

В это время из конуры, стоящей в глубине двора, появилась черная лохматая физиономия.

– Рекс! – всплеснула я руками и кинулась навстречу своему любимцу.

Рекс – крупная немецкая овчарка – был мне знаком еще с университетской поры. Когда я приезжала к Наташке, привозя ей лекции, он всегда встречал меня, радостным лаем, виляя при этом хвостом. Рекс вообще был очень добр к тем, кого знал. Но если во двор, не дай бог, проникал кто-то чужой, Рекс мог и клыки обнажить.

Собак я обожаю, в отличие, скажем, от моей сестры Полины – вот вам, кстати, первое наше различие. А всего их – не пересчитать.

Рекс подбежал ко мне, я присела на колени, и он ткнулся в них своей умной мордой.

– А что я тебе привезла, – ласково говорила я, глядя Рекса одной рукой, а другой вытряхивая из сумки большой пакет корма «pedigree».

– Давай я уберу, – Наташка выдернула у меня пакет. – Нечего его баловать, не заслужил. Я растерянно смотрела на нее и не знала, как реагировать.

Рекс обиженно взглянул на меня.

– Ничего, – шепнула я ему на ухо. – Мы с тобой не пропадем!

Рекс благодарно лизнул меня в щеку.

– Давайте пить чай, – пригласила нас Светлана Дмитриевна. – Все вместе, на веранде.

– Нет, мама, мы пойдем в мою комнату, – заявила вдруг Наташа. – Мне нужно поговорить с Ольгой об очень важном деле!

Светлана Дмитриевна, чуть прищурившись, внимательно посмотрела на дочь.

– Хорошо, идите, – сказала она. – Только, Ната, Оля ведь с дороги, она, наверное, устала. Может быть, отложить этот разговор на потом?

– Нет, – решительно ответила Наташа, беря меня под руку и увлекая за собой. – Мне необходимо прямо сейчас!

Светлана Дмитриевна слегка вздохнула и пожала плечами.

– Мы еще посидим с вами, Светлана Дмитриевна, – прокричала я, оборачиваясь через плечо, и Наташа утащила меня к себе.

Наташина комната находилась на втором этаже, в мансарде. Она могла бы быть очень уютной, если бы не какая-то мрачность и запах лекарств.

– Наташ, почему у тебя так темно? – удивленно спросила я. – И шторы все задернуты? Ведь на улице чудная погода! Посмотри! – я дернула занавеску, и в комнату сразу же хлынули потоки солнечного света.

– Ах, меня так раздражает яркий свет! – зажмурившись, простонала Наташа. – Я не могу, у меня глаза начинают болеть, потом голова кружиться...

– Ой, извини, – смущенно ответила я, быстро возвращая занавеску в исходное положение. – Я не знала...

– Мне вообще нельзя волноваться! – Наташа вдруг разнервничалась. – Ну почему, почему все стараются сделать, чтобы мне было плохо?!

Она почти кричала каким-то истеричным голосом, и я уже не рада была, что дернула эту проклятую занавеску.

Заметив на тумбочке флакончик с валерьянкой, я быстро накапала Наташе в чашечку несколько капель, разбавила водой из бокала и сказала ласково:

– На, выпей и успокойся.

Наташа, поморщившись, выпила валерьянку и села на кровать. Я под села к ней и обняла за плечи.

– Ну что за ерунду ты говоришь, – мягко продолжала я. – Кто хочет сделать тебе плохо? Наоборот, тебя все любят, заботятся...

– Да уж, заботятся! – с ненавистью проговорила вдруг Наташа. – Кто это заботится, мать, что ли? Да она только о себе заботится! Только о своей жизни личной думает! Вон, выскочила замуж на старости лет!

– Как на старости лет? – удивилась я. – Она же еще молодая!

– Какая она молодая – сорок с лишним! – презрительно махнула рукой Наташа. – Старость не за горами, а она туда же!

Тут надо сказать, что назвать Светлану Дмитриевну старой или даже пожилой было верхом несправедливости. Я не знаю, сколько ей было лет – думаю, что лет сорок семь точно было, если мне двадцать девять, а с Наташкой мы ровесницы, и пусть даже мать родила ее в восемнадцать... Да, раньше я никогда не задумывалась над возрастом Светланы Дмитриевны. Она всегда выглядела замечательно: стройная, светловолосая, улыбчивая, приветливая, она просто излучала какой-то внутренний свет.

Я знала, что ее муж, Наташкин отец, трагически погиб много лет назад. Светлана Дмитриевна воспитывала Наташку одна, хотя поклонников у нее всегда была масса, и среди них наверняка нашлось бы несколько с серьезными намерениями. Но она почему-то их отклоняла. И теперь, если эта чудесная женщина наконец-то встретила свое счастье, то за нее можно только порадоваться. Почему же Наташка говорит с такой злостью?

– А разве Светлана Дмитриевна вышла замуж? – осторожно спросила я. – Я об этом не знала...

– Ах, да я даже говорить об этом не хочу! – с досадой махнула рукой Наташка, но тут же поправилась, – вернее, нет. Именно об этом я и хотела с тобой поговорить. Понимаешь, у меня жуткие проблемы с отчимом.

– Почему?

– Он меня... – жутким шепотом проговорила Наташка и замолчала на полуслове.

– Что? – ужасаясь в душе, невольно тоже прошептала я. – Неужели он тебя домогался?

– Нет, что ты! Просто он меня ненавидит!

– Слава богу! – облегченно протянула я, – а я уж подумала...

– Что – слава богу? – обиженно вскричала Наташка. – Что он меня ненавидит?

– Нет, конечно, – объяснила я свою реакцию. – Я просто успокоилась, что он не извращенец какой-нибудь.

– Извращенец! Да он хуже! Он в тюрьме сидел! За убийство, между прочим... – значительно прибавила Наташа. – Так вот. Я убеждена, что он хочет меня убить!

– Что?! – я аж подскочила на кровати.

– Да-да, точно тебе говорю! Он так смотрит... Ненавидит он меня!

– Господи, да с чего ты взяла? – не могла я понять. – Наташа, для чего ему тебя убивать?

– Чтоб я им с мамашей не мешала! – плаксивым голосом проговорила та и, взяв со стола маленький кружевной платочек, принялась утирать слезы.

Я под села ближе и стала ее успокаивать.

– Наташенька, мне кажется, у тебя просто расшалились нервы и разыгралось воображение. Ты все преувеличиваешь. Ничего страшного не происходит. Ведь никаких реальных фактов у тебя нет?

– А вот и есть! – торжествующе закричала Наташка. – Я точно знаю!

– Неужели? И что же это?

– Каждый вечер перед сном я слышу голос, который говорит мне, что меня скоро убьют!

– Чей голос? – не поверила я.

– Отчима, чей же еще!

– Господи! Но как такое может быть?

– Не знаю. Думаю, что он мне нарочно это внушает, пугает меня!

Честно признаться, я подумала, что у Наташки за это время капитально поехала крыша. Это надо же – голоса чуждые! Нет, с ней срочно нужно проводить сеанс, лезть в подсознание, возможно, придется применять гипноз... И заняться этим нужно как можно скорее!

– Наташа! – решительно произнесла я. – Мне нужно будет провести с тобой сеанс!

– Да, Оленька, я и сама хотела тебя об этом попросить. А то уже нервы ни к черту. Только... – она схватила меня за рукав. – Ты же не думаешь, что я сумасшедшая?

– Ну что ты, конечно, нет! – признаков явного психоза я и в самом деле не видела. Просто нужно разобраться.

– Мы обязательно займемся с тобой этим прямо сегодня, хорошо? – предложила я.

– Да, да...

– А ты не пробовала сама себя успокаивать, контролировать? Все-таки тоже училась...

– Ах, да я уже ничего и не помню! Ты же помнишь, с каким напряжением я училась, сколько мук мне пришлось выдержать? Даже вспоминать не могу!

Наташа приложила руку ко лбу и тихо простонала.

– Перестань! – испугавшись за нее, сразу сказала я и погладила ее по руке. – Не нужно волноваться. Давай лучше погуляем?

– Ах, что ты! Я так устала сегодня. Я, пожалуй, прилягу.

– Ну приляг, – согласилась я.

Наташа, вздыхая, принялась раздеваться. Постель ее была разобрана.

– Оля, – уже лежа под теплым одеялом, проговорила Наташка. – Твоя комната внизу, мама тебе покажет.

– Хорошо, Наташ, – я пожалала плечами и спустилась вниз, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Светлана Дмитриевна сидела на веранде с журналом в руках.

– Оленька, – улыбнулась она, увидев меня, и отложила журнал. – Садись. А Наташа где? Спать легла?

– Да, она что-то плохо себя почувствовала, – ответила я.

– Угу, – понимающе отозвалась Светлана Дмитриевна и что-то тихо пробормотала.

Повисла какая-то напряженная тишина. Я видела, что что-то не так в отношениях между членами этой семьи. Мать и дочь явно недовольны друг другом, только Наташка не скрывает этого – по крайней мере, передо мной, – а Светлана Дмитриевна держит свои чувства при себе.

Я не стала пока ничего спрашивать – захочет, сама расскажет, – и мы стали пить чай.

Мирно болтая о том о сем, мы увлеклись спокойной беседой, как вдруг я заметила, что через высокий забор перекинулась чья-то нога, а следом за ней и вторая. После этого раздался крик, и с забора во двор свалился какой-то парень, одетый в потрепанные джинсы и белую футболку. В руке у парня был букет, который он, не удержавшись, выронил. Крупные белые цветы рассыпались по дорожке.

Парень, видимо, здорово ушиб колено, потому что сидел на земле, согнувшись, подтянув ногу к груди и сдавленно стонал. В это время из своей конуры появился Рекс и медленно двинулся парню навстречу. Парень увидел собаку и замер...

Рекс приближался.

Парень дернулся и вскочил на ноги, и в это мгновение Рекс бросился вперед.

Дико заорав, парень рванул в сторону и помчался прямо по грядкам, собака за ним. Парень летел, не разбирая дороги и не переставая вопить. Летел прямо к деревянному туалету, стоявшему в углу двора. Парень бежал очень быстро и при этом хромал на правую ногу. Это было настолько непередаваемое зрелище, что я невольно пожалела о том, что у меня нет с собой видеокамеры – запечатлеть столь восхитительный момент. Собственно, у меня вообще не было видеокамеры – ни с собой, ни вообще...

Парень тем временем уже почти добежал до туалета, когда острые клыки Рекса впились в его штанину. Парень взвыл и резко рванул дверь туалета на себя. В мгновение ока он скрылся за ней и заперся изнутри. Рекс заходился отчаянным лаем, прыгая возле туалета и разрывая зубами бедный клочок штанины.

Все это время мы со Светланой Дмитриевной сидели, раскрыв рот, и не могли вымолвить ни слова, а тут, не сговариваясь, вскочили с места и кинулись к туалету.

– Рекс, фу, фу, Рекс, на место! – кричала на бегу Светлана Дмитриевна, стараясь унять разошедшуюся собаку. Она подбежала к Рексу и схватила его за ошейник, пытаясь оттащить от двери.

Рекс постепенно успокаивался, хотя стоило ему это больших трудов.

Парень мелко дрожал в своем жалком убежище...

– Эй! – я осторожно постучала в дверь. – Простите, вы там живы?

– Жив... – раздался глухой голос, удивительно мне знакомый.

– Так выходите!

– Не могу...

– Почему? – удивилась я.

– У меня тут это... дела появились.

– А-а-а, – протянула я. – Со страху, видимо...

Мы со Светланой Дмитриевной переглянулись и чуть не прыснули от смеха.

– Ладно, заканчивайте свои дела и выходите. Не бойтесь, он вас не тронет.

Через некоторое время дверь слегка приоткрылась, и в нее просунулась черноволосая голова Дрюни Мурашова, моего давнего приятеля. Вот уж кого я ожидала увидеть меньше всего!

– Дрюня! – я чуть не села на землю от неожиданности. – Ты как сюда попал?

– Да я это... Того... Лелька, а ты чего здесь делаешь?

– Да я-то в гости приехала, а вот ты чего?

– Я... Сейчас, короче, объясню, – в Дрюниных глазах висела тревога.

– Не бойся, выходи, – смеясь, сказала я. – Рекс уже у себя в конуре. Он вообще-то смирный, просто не любит резких движений.

Опасливо озираясь, Дрюня потихоньку начал выползать из туалета. Я провела его к столу на веранде.

Светлана Дмитриевна уже разливала по чашкам чай. Дрюне она придвинула самую большую.

Дрюня шел, придерживая одной рукой выданный клочок сзади. Рекс постарался на славу – обнажил самое пикантное Дрюнино место.

– Садитесь, – пригласила Светлана Дмитриевна. – Берите варенье, печенье, тут вот пирог есть – я вчера пекла...

У Дрюни после пережитого стресса резко разыгрался аппетит. Он налег и на варенье, и на печенье, и на пирог, за обе щеки уплетая и первое, и второе, и третье.

Светлана Дмитриевна, поняв, что мы знакомы и я даже Дрюне симпатизирую, и заключив из этого, что Дрюня не вор, не киллер и не бандит, а просто придурок, не стала выяснять, почему он проник к ней во двор столь нетрадиционным способом.

А мне страсть как хотелось разузнать это поскорее. Поэтому, когда Дрюня попросил налить ему третью чашку, я не выдержала и решительно отодвинула чайник подальше.

– Потом допьешь, – заявила я. – Лучше расскажи, как тебя угораздило с забора свалиться.

– Я, это, понимаешь, Лелька... – с трудом двигая набитым ртом, сбивчиво принялся объяснять Дрюня. – Я, понимаешь... Деньги у меня кончились...

– Что? – не поверила я своим ушам.

Нет, я не в то не поверила, что у Дрюни кончились деньги – в это как раз поверить совсем не сложно, труднее представить, что они у него вообще были, – я испугалась, что Дрюня сейчас скажет, что лез для того, чтобы их позаимствовать. А это было на него не похоже.

Я знаю Дрюню очень давно – столько, что и представить страшно. Сразу кажешься себе еще старше. Дрюня был братом нашей с Полиной подруги Наташи – не той, к которой я приехала в Зоналку, а другой, подруги детства.

Сколько я знала Наташку, столько и Дрюню. Это был высокий, худощавый, темноволосый парень тридцати четырех лет, симпатичный и чертовски обаятельный. Он был награжден от природы огромным актерским талантом – и пел, и на гармошке играл, и спародировать мог кого угодно.

Вообще, Дрюня очень компанейский парень. И мне частенько доводилось проводить с ним вечера за бутылочкой коньячку, водки или на худой конец какой-нибудь «Анапы». Но последнее – только в самых крайних случаях.

И можно было бы назвать Дрюню идеальным парнем, если бы не...

Если бы не несколько недостатков, без которых, как известно, невозможно представить ни одного человека.

Мне, если честно, эти недостатки не казались такими уж крупными и не очень мешали общаться с Дрюней, а вот близким людям...

Ну, во-первых, Дрюня как-то не очень любил работать. За все время, что я его знаю, он устраивался на официальную работу пару-тройку раз, но нигде не задерживался дольше месяца. И в конце концов решил завязать с этим грязным делом.

Зато голова его постоянно была забита различными гениальными идеями, воплощение которых в реальность должно было обеспечить Дрюне огромный доход и безбедную старость.

И Дрюня каждый раз с восторженным оптимизмом брался за дело, абсолютно уверенный в успехе.

И даже я несколько раз принимала участие в его бизнесе. Правда, это постоянно заканчивалось довольно печально, причем чаще для меня, а не для Дрюни, который каким-то чудом умудрялся отделаться легким испугом.

Пару месяцев после этого Дрюня ходил притихший, а потом снова начинал лелеять новую идею и воплощать ее в жизнь.

Больше всех страдала от Дрюниных идей его жена Лена, которая деньги от мужа видела крайне редко. И если вдруг в какие-то моменты они появлялись, сразу же выяснялось, что именно вот эта сумма и нужна Дрюне на новое начинание.

Где Дрюня брал деньги на свои проекты? Ну, это совсем просто. У него была любящая мама, всегда готовая выручить. Причем хитрый Мурашов, хорошо зная свою маму, научился так манипулировать ее чувствами, что каждый раз изобретал какой-нибудь новый способ выколачивания из мамы денег – разумеется, займы. Только эти «займы» никогда не возвращались...

Так что то обстоятельство, что Дрюня сейчас на мели, меня нисколько не удивило.

А Дрюня тем временем продолжал:

– Ленка, понимаешь, в деревню свою уехала... Насовсем, говорит...

– Опять? – спросила я.

Лена, надо отдать ей должное, любила своего Дрюню очень сильно. Но и ее бедное сердце порой не выдерживало: когда Дрюня уж очень сильно ее доставал, она укладывала вещи, брала дочку и уезжала к родителям в деревню. Несколько месяцев Дрюня куролесил, пил, гулял, отмечая свою свободу, а потом, когда деньги кончались, начинал задумчиво почесывать затылок...

Финансовым директором в их семье была Елена, и с ее исчезновением исчезал из семьи и главный источник денежных средств. К тому же Дрюнина мама очень сильно не одобряла такие моменты, когда Дрюня с Леной разбегались, и переставала снабжать его деньгами.

Сейчас наступил именно такой период.

Оказывается, Дрюня потихоньку от жены продал ее новую кожаную куртку, на которую она копила очень долго, а деньги потратил. Вернее, не потратил, а, как выразился сам Дрюня, «вложил в очень выгодное мероприятие». Однако мероприятие выгоды почему-то не принесло, и в итоге куртка ушла с концами.

Узнав об этом, Лена лишилась всех чувств вообще и тупо начала кидать вещи в сумочку.

Ушла она не попрощавшись.

Дрюнина мама, тетя Лариса, крайне негативно восприняла эту новость и, пожалуй, впервые в жизни категорически отказала любимому сыну в спонсировании.

Посему на данный момент Дрюня находился в экономической блокаде.

Так как жить ему на что-то надо было, Дрюня и решил махнуть в Зоналку – была у него тут одна знакомая, которая могла его приютить.

Но знакомая, как на грех, вышла замуж, что расстроило все Дрюнины наполеоновские планы – спокойно перекапаться у нее все лето.

Тогда Дрюня подрядился к одной из жительниц вскопать ей огород за жилье и стол. Правда, под словом «стол» Дрюня подразумевал еще и наличие водки.

Наивная старушка сразу же выставила ему бутылку, которую Дрюня благополучно откусал. После этого даже и говорить не нужно, что огород старушки так и остался на уровне целины.

Бедная бабушка, все еще лелея надежду, что сие долго не продлится, продолжала терпеливо ждать, а Дрюня квасить. В итоге терпение старушки кончилось, и Дрюня с позором был изгнан из ее дома.

На его счастье, он выяснил, что муж Маньки Сарафановой отбыл в командировку, и Дрюня стремительно стал налаживать старые контакты.

И сегодня он решил, как пылкий влюбленный, перемахнуть к Маньке через забор с букетом цветов. Он надеялся тем самым поразить ее воображение и заслужить если не любовь, то хотя бы возможность иметь стол и кров.

Но что-то, видимо, перепуталось в не совсем трезвой Дрюниной голове, и он с роскошным букетом, собранным с клумбы Манькиной соседки справа, великолепно перемахнул через забор, да не через тот, и чуть было не стал добычей Рекса.

Теперь Дрюня был озабочен двумя проблемами: куда ему, бедному, идти ночевать, и где брать новые штаны, потому что денег у Дрюни оставалось неприлично мало: два рубля десять копеек.

– Давайте ваши джинсы, – умиленная жалобной историей, поведенной Дрюней, произнесла Светлана Дмитриевна. – Я вам их почию.

– А... в чем я... это... – засмутился Дрюня.

– Сейчас, – коротко ответила Светлана Дмитриевна и скрылась в доме.

Вскоре она вернулась, неся в руках почти новые черные брюки.

Дрюня взял их и, поозиравшись по сторонам, направился к туалету.

Проходя мимо конуры, Дрюня хотел было пнуть ее ногой, но из нее сразу же раздалось глухое ворчание – видимо, Рекс разгадал коварные Дрюнины планы.

Мурашов резко развернулся и в три прыжка отскочил обратно к веранде.

– Идите в дом, – с улыбкой пригласила Светлана Дмитриевна. – Там спокойно переоденетесь.

Не успел Дрюня скрыться в доме, как оттуда раздался истошный женский визг. Мы подскочили на месте, а из дома вылетела встрепанная Наташка с вытаращенными от ужаса глазами.

– Мама! – визгливо прокричала она. – Что за новый мужик без штанов у нас в доме? Ты еще кого-то привела?

– Наталья! – строго прикрикнула на дочь Светлана Дмитриевна. – А ну-ка веди себя прилично!

Наташка надулась и плюхнулась на стул.

– Да что же это такое? – прохныкала она. – Уснуть спокойно не дадут! Только задремала – крики ужасные, Рекс этот противный надрывается! Ворочалась, ворочалась – никак уснуть не могу! Мужики по дому голые ходят! Бордель настоящий!

– Наташа, это всего лишь Дрюня Мурашов, мой приятель, – постаралась я ее успокоить. – Он случайно джинсы порвал, так Светлана Дмитриевна предложила ему их зашить. Ничего страшного!

Наташка, качая головой и непрерывно морщась, налила себе чаю.

Через пару минут из дому вышел Дрюня, на ходу подтягивая брюки, которые были ему великоваты. Он был немного смущен.

Светлана Дмитриевна молча приняла у него испорченные джинсы и прошла в дом.

Дрюня топтался возле стола, не зная, как себя вести. Сестр ему Наташка не предложила.

– Наташ, может быть, пойдем с тобой прогуляемся? – сказала я, чтобы хоть как-то снять напряжение. – Погода чудная, вечереет уже, попрохладнее стало...

– Какие прогулки! – отмахнулась Наташка. – У меня совершенно нет сил! К тому же комары...

Тут я почувствовала себя немного озадаченной – все-таки она спала полдня, так что силы должна была восстановить. Наташка, видимо, заметила мое недоумение, потому что вдруг сказала:

– И правда, пойдемте гулять. Не все же дома сидеть.

Я пожалала плечами и встала из-за стола.

Тут я вспомнила, как меня всегда ругала Полина, и именно за то, что я, по ее словам, только и делаю, что ною и хнычу.

Почувствовав, что краснею, я постаралась отмахнуться от этих мыслей. Вот еще! Совсе я не похожа на Наташку! Вот видела бы ее Полина, она сразу поняла бы, что я просто бесценный клад.

Мы пошли по тропинке втроем, разговор что-то не клеился. Я шла и думала о своем, вернее, об отношениях с Кириллом, бывшим мужем. После развода мы неоднократно пытались восстановить мир и даже пробовали вновь жить вместе, но почему-то каждый раз это заканчивалось одинаково – Кирилл с громким стуком двери уходил... А звук хлопающей двери еще долго стоял в моих ушах, пугая своей окончательностью...

Я настолько погрузилась в свои мысли, что перестала замечать, что творится вокруг. Очнулась я, услышав пронзительный женский визг, скрежет тормозов и крик Дрюни Мурашова.

Инстинктивно я дернулась в сторону, когда мимо меня на огромной скорости пролетела машина. Ни цвет, ни марку я, конечно же, не заметила. Уловила только, что машина была темная. Впрочем, уже и так было довольно темно.

Я увидела лежащую на земле Наташку без признаков жизни и стоящего рядом с ней на коленях Дрюню. Холодея, рванулась в их сторону. Дрюня поднял на меня растерянные глаза.

Я схватила Наташкину руку и ясно почувствовала пульс.

– Слава богу, жива! – констатировала я. – Что же делать-то теперь? Скорую нужно вызывать, а где здесь телефон?

В этот момент Наташка застонала.

– Наташенька, ты меня слышишь? – склонилась я над ней.

– Да... – слабо ответила та и открыла глаза. – Что это было?

Я повернулась к Мурашову.

– Да вот, – начал Дрюня оправдываться, словно был в чем-то виноват. – Идем мы, а тут из-за поворота как вылетит этот... На «Жигулях»... И прямо на нас. Я еле успел Наташку оттолкнуть, он ее только слегка задел.

– Ничего себе, слегка задел! – проняла Наташка. – Он же чуть не убил меня!

– Мог, конечно, – согласился Дрюня. – Но все же обошлось вроде? Наташа, ты идти можешь?

– Нет, – сразу же ответила Наташка. – Не могу.

– Тогда давайте вызовем скорую! – снова предложила я. – Пусть отвезут тебя в больницу.

– Не надо! – поспешно отказалась Наташка и даже попыталась встать, но тут же снова опустилась на землю. – Что, мужчин, что ли, нет? Андрей вполне смог бы меня отнести...

Я посмотрела на хлипкого Мурашова. На лице его отразилась целая гамма чувств, открывшая мне, что перспективу нести Наташку он воспринимает совсем не в радужных тонах...

Тяжело вздохнув, Мурашов подошел к Наташке и неуклюже попытался взять ее на руки, но покачнулся и чуть не упал сам.

– Осторожнее! – испуганно воскликнула я. – Давай помогу!

Вдвоем мы кое-как взвалили Наташку на Дрюню, и Мурашов, кряхтя, потащил ее к дому. Я шла сзади, все время забегая вперед и спрашивая, удобно ли Наташке.

Я видела по Дрюнинуму красному от натуги лицу, что ему очень хочется просто шваркнуть Наташку на землю, но, видимо, мысль об оставленных у нее дома штанах не давала ему этого сделать.

Наконец, мы все-таки пришли.

Светлана Дмитриевна, увидев такую картину, всплеснула руками и кинулась нам навстречу.

– Что случилось, боже мой? – спросила она на бегу.

– Машина чуть не сбила, – ответила я, потому что Дрюня ничего говорить не мог. – Но все в порядке, не волнуйтесь. Наташе нужно просто полежать.

– Ох, нужно отнести ее в комнату. Андрей, вы уже устали, сейчас я мужа позову. Виктор! Виктор! – закричала Светлана Дмитриевна в комнату.

Из дома вышел высокий, широкоплечий мужчина лет пятидесяти. Волосы его были коротко подстрижены, умные карие глаза смотрели внимательно и слегка тревожно.

– Что такое? – спросил он у жены.

– Наташу нужно наверх отнести, – ответила та.

Виктор подошел к окосевшему от непривычной нагрузки Дрюне и легко, как перышко, подхватил Наташку. По лестнице он ее нес абсолютно не напрягаясь.

Дрюня, не веря в счастье, что избавился от непосильной ноши, стоял как невменяемый и даже не шевелился.

- Какой сильный у вас муж! – восхищенно повернулась я к Светлане Дмитриевне.
- Он бывший боксер, – ответила та. – Кстати, а что с той машиной?
- Не знаю, – пожалала я плечами. – Она скрылась.
- Какой кошмар! – вздохнула Светлана Дмитриевна. – Сейчас я к соседке схожу, она у нас врач. Пусть осмотрит Наташу.
- Может быть, нужно милицию вызвать? – заволновалась я.
- Нет, – почему-то испуганно проговорила Светлана Дмитриевна и схватила меня за руку. – Не надо милиции! Прошу тебя, Оля, не надо!
- Ну хорошо... – немного растерянно ответила я. – Я и не настаиваю. Просто...
- Не надо, – настойчивее повторила Светлана Дмитриевна. – Я пойду за соседкой.
- Она ушла, а мы с Дрюней остались во дворе. Дрюня увидел на стуле свои штаны и тут же схватил их. Не стесняясь меня, он стащил те, что дала ему во временное пользование Светлана Дмитриевна, и принялся натягивать свои, прыгая на одной ноге.
- Ты куда? – удивленно спросила я его.
- Домой, – отозвался Дрюня.
- В Тарасов? – изумилась я.
- В какой Тарасов! – махнул рукой Дрюня. – Хотя... Если так пойдет дальше, и точно в Тарасов сдерну, тут сумасшедший дом какой-то! В общем, пока, я навещу тебя как-нибудь... Буквально завтра...
- Последние слова Дрюни донеслись до меня уже из-за калитки.
- Я пожалала плечами и пошла в дом. Виктор спускался по лестнице.
- Поднимитесь, пожалуйста, к Наташе, – сказал он мне. – Она просила. Вас, кажется, Ольга зовут?
- Ольга, – подтвердила я.
- А я Виктор Михайлович, – голос у него был сильный, но негромкий.
- Очень приятно, – улыбнулась и я поспешила наверх.
- Наташка лежала на своей постели, укрытая одеялом почти до самого подбородка.
- Оля, а где Андрей? – спросила она.
- Он... Пошел по делам, – ответила я. – Ты как?
- Ах, у меня ломит все тело! – пожаловалась Наташка. – Я вся горю!
- Потерпи, сейчас придет врач.
- Оля... – Наташка приподнялась на подушках. – Это он!
- Кто – он? – не поняла я.
- Отчим мой, вот кто! Это он хотел меня убить!
- Да ты что! – не поверила я своим ушам. – Что ты говоришь? Этого просто не может быть!
- Почему не может? – в упор спросила Наташка.
- Ну, во-первых, он был дома, когда мы вернулись...
- Ну и что? Он же был на машине! Вполне мог успеть. Тем более, сколько времени Андрей меня тащил!
- Ну не знаю, – не желала я верить. – По-моему, все это твои домыслы. Мне, кстати, твой отчим очень понравился.
- Ты его совсем не знаешь! Он меня ненавидит! – Наташка смотрела на меня обиженно, как на предательницу. Мне стало не по себе от такого взгляда.
- Что же делать, что делать? – стонала Наташка. – Он же меня прикончит!
- Я устала слышать этот бред.
- Тут послышались шаги на лестнице и женские голоса.
- Мама вернулась, – сказала я Наташке. – Знаешь что? Нужно срочно вызывать Полину! – решительно заявила я. – Она сообразит, что нужно делать. Откуда можно позвонить?

ГЛАВА ВТОРАЯ (ПОЛИНА)

Нет, так жить нельзя – лучше застрелиться! – думала я, ожесточенно продираясь к выходу из автобуса.

Мои длинные распущенные волосы взмокли, футболка съехала набок, сумка, набитая продуктами, постоянно застревала между плотно прижатыми друг к другу людскими потными телами.

Собственно, можно было не спешить – автобус все равно возвращался обратно в город, так что в Зоналке выходили все, но вот незадача – та толпа, которая должна была ехать в тара-сов, ломанулась к автобусу и, не дожидаясь, пока мы выйдем из него, стала уверенно набиваться, стараясь занять сидячие места.

Меня пинали и толкали со всех сторон, грозя либо растерзать на части, либо просто смять.

Особенно старалась одна противная тетка, которая мне сразу не понравилась.

Тетка была толстая, потная, с красным лицом, в цветастом платке, сбившемся на затылок и обнажавшем лысеющую макушку.

– Дайте же пройти! – визжала тетка, продираясь к переднему сиденью и норовя ткнуть меня в бок. За собой она волокла сумки, доверху набитые чем-то очень твердым. Это я ощутила, когда тетка несколько раз шарахнула меня этими сумками по ногам. – Поналезли здесь!

– Вы хотя бы выйти сперва дали! – не выдержала я.

– Чего? – тетка развернула свой мощный корпус и угрожающе уставилась на меня.

Признаться, мне, обладательнице черного пояса по карате, стало не по себе. Но и сдаваться так просто я не собиралась.

– Ничего! – набрав побольше воздуха, рявкнула я, чтобы показать, что тоже умею орать и еще как. – Отрастят пузо – к двери не прорвешься!

Тетка сразу захлопнула рот и ошалело посторонилась.

Я более-менее спокойно смогла ее миновать. Просто я давно поняла, что с такими хамами нужно разговаривать на их же языке, иного они просто не понимают. А если разводить антимо-нии в стиле моей сестры Ольги, типа «не будете ли вы так любезны...», то ничего не добьешься – затопчут просто.

Наконец, мне удалось растолкать толпу и пробиться к лестнице, после чего я с облегче-нием спрыгнула на землю.

Фу-у-ух ты! Черт, и угораздило же мою машину сломаться так невовремя! Собственно, дело было не таким уж серьезным – просто сломался ручник, – но машину все равно пришлось отдавать в ремонт. С каким комфортом я могла бы добраться до Зоналки на «Ниссане», а не на автобусе, – посетовала я в очередной раз, стоя на остановке.

В этот жаркий июльский день автобусы были переполнены дачниками, рвущимися к своим огородам и дачкам, гордо именуемым виллами и фазендами. Все сидячие места, конечно же, были заняты, но даже и стоять было очень неудобно. Я просто задыхалась всю дорогу, мечтая как можно скорее принять удобное для тела положение.

Теперь, стоя на свежем воздухе, я поправила сумку на плече, поудобнее ухватила другую – ту, что с продуктами, – и, сдув со лба прилипшие волосы, пошла прямо по тропинке.

Приехала я в Зоналку, чтобы навестить свою сестру-близняшку Ольгу. А Ольгу пригласила к себе какая-то подруга. Я с этой подругой знакома не была, но Ольга настаивала, чтобы я непременно приехала познакомиться, потому как сама подруга, оказывается, просто мечтает о встрече со мной.

Я знала, что Ольга склонна преувеличивать, поэтому только отмахивалась. С какой стати я поеду к этой посторонней для меня женщине? С Ольгиными подругами у меня обычно не находилось общих интересов. Слишком мы с ней разные, хотя и близнецы.

Ну, например, эта разница видна, даже если рассмотреть наши с сестрой профессии.

Я – спортсменка, восточными единоборствами владею, работаю в спорткомплексе тренером по шейпингу. Я всегда точно знаю, чего я хочу, а чего нет. Что я буду делать, а что нет. Я сама строю свою жизнь. И еще: мне, в отличие от Ольги, известно, что означает слово «надо» – я очень ответственная.

А Ольга моя – психолог. И очень любит копаться во всяких чувствах, переживаниях, страданиях... Прямо мусолит это постоянно. Работает Ольга на дому, с моей, между прочим, подачи. Просто мне надоело видеть, как она прозябает в своей конторе за мизерную зарплату – кандидат наук, блин! И однажды сказала сестре – хватит!

Ольга сперва испугалась, захлопала ресницами, сделала огромные глаза, залепетала что-то насчет того, что ей необходим круг общения, и потом, почувствовать свою востребованность и то, что она приносит пользу обществу, но я быстренько прервала поток этого бреда и привела свои, гораздо более весомые аргументы.

В конце концов, Ольга, вздыхая и сокрушаясь, согласилась попробовать. Тряслась она здорово – боялась остаться без зарплаты. Господи, можно подумать, те деньги, что она получала на государственном предприятии, можно назвать зарплатой!

Теперь Ольга принимает клиентов на дому, и если бы она не лентяйничала постоянно, то имела бы довольно неплохой доход. А то что это такое – сегодня «я не могу», завтра – «не хочу», послезавтра – «у меня голова болит», а потом и вовсе «я впала в депрессию, отстаньте от меня все, мне нужно срочно поправить свою эмоциональную ауру...» И поправляет потом вермутом или ликером. Ответственнее нужно быть, я сто раз ей говорила.

Но Ольга есть Ольга, может быть, за это я ее так и люблю? Мне, во всяком случае, никогда такой не стать – мягкой, слабой, несобранной, рассеянной, доверчивой до глупости, наивной и просто очень доброй и милой.

В общем, и подруги у Ольги были соответствующие, поэтому я не особо рвалась к знакомству с ними. Но вчера случилось нечто, что заставило меня сегодня же с утра отправиться в Зоналку.

Вчера вечером мне позвонила Ольга и жутким голосом сообщила, что у них тут творятся страшные вещи, и мне просто необходимо приехать поскорее. Я спросила, что Ольга имеет в виду под страшными вещами, очень сильно подозревая, что у сестры просто кончились деньги. Но Ольга сказала, что ничего объяснять не будет по телефону – не может просто, – а вот завтра она меня будет встречать на тропинке возле остановки: «ты просто иди, Поля, по этой тропинке, а мы тебе навстречу пойдем».

Пришлось звонить в спорткомплекс, отпрашиваться на два дня, и ехать в Зоналку. И надо же, черт возьми, я сразу пожалела об этом.

Началось с того, что на остановке меня никто не ждал! Я уже двадцать минут шла по этой гребаной тропинке, никуда не сворачивая, как и говорила Ольга, но сестры не встретила.

Первым же моим побуждением было повернуться и зашагать обратно к остановке с тем, чтобы уехать домой следующим автобусом. Но, постояв немного и выкурив две сигареты, я заставила себя успокоиться и не действовать сгоряча. Кто знает, может, Ольга немного задерживается?

Самое главное, я не знала, куда дальше идти. Ольга не сообщила мне ни номера дома подруги, ни хотя бы названия улицы. Я даже фамилии этой женщины не знала – знала только, что зовут ее Наташа. В принципе, узнать, конечно, можно: походить по дворам и расспросить, к кому из жителей недавно приехала молодая русоволосая девушка в очках. Кто-нибудь обязательно да рассказал бы.

Дело в том, что район Зоналка хоть и относится к нашему городу Тарасову, на деле представляет собой обычную деревню, где все друг друга знают.

Здесь была своя школа, детский сад, почта, а магазинов целых два. И еще коммерческий ларек, гордо именуемый «супермаркетом».

Я уже мечтала поскорее добраться до этого супермаркета и купить там бутылку минеральной воды – пить хотелось невероятно.

В Зоналке я не бывала давненько, но прекрасно помнила, как дойти до самого поселка – у меня отменная зрительная память, и на местности я ориентируюсь великолепно. Да тут и невозможно заблудиться – одна дорога.

Черт, куда же Ольга задевалась? Забыла, что ли, про меня? Да нет, это исключено – даже при ее забывчивости и рассеянности она не должна была это упустить – сама же просила вчера меня приехать!

Я уже начала беспокоиться, не случилось ли чего, как вдруг невдалеке послышался топот ног, какие-то обрывочные звуки, перемежающиеся с криками и взрывами смеха.

Топот ног становился все ближе, я невольно посторонилась и увидела, как мимо меня пронеслась молоденькая, встрепанная девчонка с расширенными от ужаса глазами, а за нею стайка подростков. Девчонка визжала, пацаны что-то кричали ей вдогонку и смеялись над собственными словами.

Тут один из них догнал девчонку, развернул ее к себе и схватил за плечи, с похабной улыбкой заглядывая в глаза.

– Ну чего же ты испугалась, моя маленькая? – прерывисто дыша, обратился он к ней. – Ты же знаешь, как я хочу с тобой познакомиться поближе?

Толпа сзади загоготала. Девчонка в ужасе закрыла глаза.

Больше стоять и молча наблюдать за этой сценой я не могла.

– Простите, пожалуйста, могу я поинтересоваться, что здесь происходит? – выступила я вперед с очень вежливым обращением – не люблю сразу хамить.

– А тебе чего надо, тетя? – нагло обернулся ко мне пацан. – Тоже, что ли, хочешь? Тогда подожди немножко – и тебя осчастливлю!

Толпа снова загоготала, на этот раз еще громче. Надо же, у современной молодежи совсем отсутствует чувство юмора – смеются над всякой хренотенью!

– Я думаю, что скорее тебя осчастливлю я, – усмехнулась я. – Когда научу вежливо разговаривать со старшими.

– Чего? – ошетинился он и добавил уже совсем недружелюбно, – вали отсюда лучше поскорее, пока не навешали.

– Отпусти девчонку, – спокойно сказала я.

– Ага, щас! – он начал свирепеть.

– Отпусти, говорю. Видишь – она тебя не хочет.

– Захочет, – ухмыльнулся тот и потянул девчонку на себя, с силой сжав ее локоть.

Девчонка покачнулась. Из глаз ее полились слезы.

Я шагнула вперед и резко вывернула руку этого переростка за спину, даже переборщив при этом. Он дико взвыл от острой боли. Я быстро двинула ему коленом в пах, после чего пацан просто рухнул на землю с протяжным стоном.

Тут же ко мне подскочил самый смелый из кучки этих раздолбаев – худой, прыщавый парень в потертых джинсах. Он наивно попытался ударить меня в челюсть, но я перехватила его руку и перебросила через себя. Придурок даже не понял, как за секунду очутился на земле. Он тут же вскочил и сразу же снова упал – я просто молниеносно врезала ему носком кроссовки под коленную чашечку.

Оставшиеся трое не решились испытывать судьбу и бросились врассыпную.

Я подошла к девчонке и протянула ей носовой платок.

– На, вытрись и пойдём отсюда. Расскажешь мне, почему они к тебе прицепились.

Девчонка с опаской поглядела на тела поверженных противников. Тот, которого я уложила первым, вообще не подавал признаков жизни. Второй мучительно стонал, пытаясь левой рукой растереть коленку.

– А они? – сглотнув слюну, спросила девчонка тонким, дрожащим голосом.

– А что они? – пожала я плечами. – Да не волнуйся, с ними все в порядке. Отлежатся и пойдут домой к маме. Не бойся, я умею бить. Ничего особенного я им не повредила. Разве что вот этот теперь несколько поумерит свои донжуанские замашки, – я кивнула на мальчишку, получившего удар в пах. – Ну что, идем?

Девчонка пошла было за мной, потом дернулась, как будто вспомнив что-то, и остановилась, раскрыв рот.

– Что? – не поняла я.

– Там... – залепетала девчонка, потом глубоко вдохнула и заголосила, – ой, мамочки мои-и-и! Уби-или-и-и! О-о-ой! Человека уби-и-ли-и-и!

– Подожди, подожди, – я схватила ее за плечи и затрясла. – Кого убили, ты можешь нормально сказать? Да успокойся ты, в конце концов! – последние слова я просто рывкнула.

Как ни странно, но это привело девчонку в чувство. Она сразу перестала орать и уставилась на меня.

– Ну вот, – удовлетворенно переводя дух, сказала я. – А теперь говори, что случилось?

– Иду я по лесу, – начала объяснять она. – Смотрю – в кустах что-то белеет. Я подошла поближе, а там... Ой, мамочки мои! – она закрыла лицо руками.

– Стоп! – крикнула я, испугавшись, что сейчас пойдут очередные завывания. – Что там?

– Там... Тело лежит... Женское. Юбка вся разорвана и в крови. Я сразу и побежала.

– Постой, а эти придурки откуда взялись?

– Они меня увидели, когда я бежала, и за мной. Они меня со школы дразнили.

– За что дразнили-то?

– За то, что я рыжая, – шмыгнув носом, как-то стыдливо ответила девчонка, словно была виновата в том, что родилась рыжей.

Я с любопытством посмотрела на нее и только тут смогла рассмотреть как следует.

Волосы у нее были не рыжими, а скорее соломенными – кстати, очень красивого оттенка. Все лицо покрывали крупные конопушки. Смешливые серые глаза с хитринкой. Худоцавая, тонконогая, лет семнадцати, в коротком простом светлом платье. Волосы были небрежно скоты заколкой, съехавшей вниз. Я подумала, что если бы она сделала хорошую стрижку и носила волосы распущенными, то ей бы это очень шло. А конопушки, тем более такие светлые, можно легко замаскировать тональным кремом.

Фигура у девчонки тоже была хорошая – то есть, Катя вполне могла производить впечатление, а в своем поселке слыла дурнушкой.

Конечно, эти придурки ничего не понимают, но со временем, думаю, девчонка, переживающая сейчас из-за своей внешности, научится подавать себя в самом выгодном свете. Немного опыта – и все будет в порядке.

Так я и сказала ей, пока она вела меня к тому месту, где обнаружила труп. Не совсем уместная, конечно, тема, но мне хотелось хоть как-то успокоить девчонку, поэтому и говорила о таких пустяковых вещах.

Возле каких-то кустов мы остановились.

– Вон там! – страшным шепотом проговорила девчонка, вытягивая вперед указательный палец. – Ой, мама! Страшно! Я туда не пойду.

Я осторожно раздвинула кусты. Сразу же увидела труп. Это была совсем молодая девушка, она лежала на боку, неловко подвернув левую ногу. Короткая легкая юбочка ее и в самом деле была разорвана, так же, как и желтая маечка. Правая грудь была видна, на ней

багровел длинный рубец. Лица девушки видно не было: она лежала, уткнувшись им в землю. Светлые волосы разметались по плечам, на затылке виднелись следы запекшейся крови – по видимому, сюда была нанесена смертельная рана, хотя точно пока сказать ничего было нельзя.

Я осторожно пощупала руку девушки. Она была холодной, пульса не прощупывалось. Не было никаких сомнений в том, что она мертва.

– Все понятно, – со вздохом сказала я, убирая руки. Кусты сразу же сомкнулись, скрывая от наших глаз место разыгравшейся трагедии.

– Что? – сразу же откликнулась девчонка.

Признаться, я не нашлась, что ответить. Что, собственно, понятно? Только то, что девушку, скорее всего, убили. И то, что надо вызывать милицию.

– Пошли вызывать милицию, – ответила я, поворачиваясь.

– А куда идти? – уставилась на меня девочка.

– Ты что, не местная? – удивленно спросила я.

– Местная, – мотнула она головой. – Я в Зоналке с рождения живу.

– Ну, у вас здесь есть, наверное, милиция? Участковый хотя бы?

– А, участковый есть, Прохоров его фамилия, Николай Трофимович. Только он наверняка сейчас дома – суббота все-таки.

– Так пошли к нему.

Мы пошли по тропинке к поселку.

– Тебя как звать-то? – обратилась я к девочке.

– Катя, – ответила она. – А вас?

– Меня Полина Андреевна.

– А я думала, что вас Ольгой зовут.

Интересно!

– Почему это ты так думала?

– Мне кажется, я слышала, что вас так тетя Наташа называла. Вы ведь у тети Наташи живете?

Вот теперь все понятно. Она меня просто перепутала с Ольгой – мы ведь близнецы. Ну, хоть что-то хорошо – по крайней мере, Катя знает тетю Наташу и сможет сказать, где она живет. Слава богу, хоть Ольга нашлась. А то, чего доброго, пришлось бы на улице ночевать или вообще домой ехать. Два раза за день путешествия в душном автобусе – это слишком.

– Нет, Катюша, я не живу у тети Наташи – я ее вообще не знаю. Там живет моя сестра, ее действительно зовут Ольга. А я приехала к ним в гости. Шла вот себе, а тут ты...

– Ой, вы меня не бросите сейчас? – забеспокоилась Катя и умоляюще заглянула мне в глаза. – Не бросайте, что я дяде Коле скажу, участковому? Я же ни на один вопрос не смогу толком ответить!

– Почему? – удивилась я.

– Потому что я бестолковая.

– Это кто же тебе сказал? – с интересом посмотрела я на нее.

– В школе все так говорили, – со вздохом откликнулась она как-то обреченно.

Понятно, заморочили девчонке голову – и глупая, и некрасивая, вот она и чурается всех. Пацанов этих обдолбанных, например.

– Послушай, Катя, – решительно обратилась я к ней. – Тебе пора прекратить думать о себе как о человеке третьего сорта. Иначе ничего хорошего из этого не выйдет. Вот мы покончим с этим делом, я тебя обязательно познакомлю с Ольгой, и она проведет с тобой беседу. Она у меня психолог, вот и поможет тебе. Я хоть и не психолог, но мне кажется, что все твои проблемы – в тебе самой.

– Вы думаете, у меня все может быть хорошо? – изумленно посмотрела она на меня.

– Да я просто уверена в этом, – улыбнулась я и потрепала девочку по щеке. – Пойдем, я тебя, конечно же, не брошу. Сейчас мы вместе найдем этого дядю Колю и все ему расскажем.

Прохорова дома не оказалось. Его жена, маленькая, худенькая, рано состарившая женщина с пучком жиденьких волос неопределенного цвета, равнодушным голосом сообщила нам, что муж ее отправился по служебным делам. Куда – не уточнила.

Мы вышли на улицу.

– Где же его искать? – задумчиво покусывая губу, спросила я скорее сама у себя.

– Я знаю, где, – хватая меня за руку, ответила Катя. – Он, скорее всего, у Нюрки Огородниковой.

– А кто это?

– Да... Есть тут у нас одна... – неопределенно выразилась Катя и, сделав огромные глаза, выпалила, – самогонщица!

– Серьезно? – усмехнулась я.

– Ага! – мотнула головой Катя. – Сегодня наверняка он к ней пойдет.

– А зачем?

– Ну... – Катя спрятала глаза и, понизив голос до жуткого шепота, поведала, – она ему деньги дает, чтобы он никому не говорил про самогон!

– Понятно, – хмыкнула я. – Участковый погряз в коррупции!

– Чего? – вытаращила она свои глазищи.

– Ничего! – отмахнулась я. – Пошли к этой Нюрке!

Катя, размахивая руками, повела меня по улице, пытаясь объяснить по дороге, какие отношения связывают Нюрку и участкового, но мне и так уже все было ясно.

Вскоре мы подошли к старенькому покосившемуся одноэтажному домику, обнесенному прохудившимся забором. Через него прекрасно было видно стоящую во дворе парочку. Невысокая, ядреная бабенка с крепким задом и пышноусый мужчина в форме о чем-то договаривались. Женщина улыбалась, что-то смущенно объясняя, мужчина кричал и норовил ущипнуть ее за пышный зад.

Бабенка притворно хохотала и делала вид, что ей это не нравится. Потом мужчина склонился к ее уху и что-то прошептал. Бабенка поспешно закивала головой и полезла в вырез цветастой блузки. Я заметила, как в воздухе мелькнула смятая бумажка и исчезла в кармане форменной рубашки участкового.

В этот момент я толкнула калитку и, откашлявшись, прошла во двор. Парочка тут же повернулась к нам, испуганно сверкнув глазами.

У Прохорова было круглое красное лицо с большими пушистыми рыжеватыми усами. Сам участковый был толст, неповоротлив и медлителен. Он стоял возле крыльца, опираясь на перила. Нашим появлением он был явно недоволен – мы отвлекли его от очень важного занятия.

– Вам чего? – недружелюбно спросил он.

– Мы к вам по очень срочному делу, дядя Коля! – вылетела вперед Катя. – И очень срочному.

– Ну что там у тебя еще стряслось, Катерина? – поморщившись, спросил Прохоров. – Опять баламутишь?

– Ничего я не баламучу! – обиделась девчонка и сразу затараторила, – я шла себе по лесу, шла, грибов набрать хотела – вон, у тети Маши Воротниковой девчонки на днях три корзины притащили агромадных, вот и я хотела. Я жареные грибы страсть как люблю. Особенно если их...

– Цыц! – подняв толстую руку, пристукнул Прохоров по перилам крыльца, и девчонка сразу умолкла, как будто повернули выключатель. – Не тарихти. По делу говори.

– Ну так и я говорю по делу, – на тон ниже стала объяснять Катя. – Иду я себе, иду, вдруг смотрю – в кустах ноги женские торчат. Я сразу заорала и бежать кинулась. А тут эти за мной...

Дядя Коля хмуро покосился на Катю и переспросил:

– Кто эти? Ноги?

– Какие ноги? – искренне изумилась Катя. – Да нет, что вы такое говорите! Совсем не ноги!

Дядя Коля перевел взгляд на меня.

– Не она! – сразу же сказала Катя. – Дураки эти...

– Какие еще дураки?

– Ну, там Витька тетя Тосин был, Мишка Симоненко...

– А они чего там делали?

– Не знаю, – пожала Катя плечами.

– А вы кто? – вдруг обратился Прохоров ко мне и присел на крыльцо.

– Меня зовут Полина Андреевна Снегирева, – стала объяснять я. – Я приехала навестить свою сестру Ольгу. Она живет здесь у своей подруги – вон, Катя знает, как ее зовут.

– У тети Наташи Скворцовой, – тут же вставила Катя.

– Так вот, – продолжала я, – когда я шла по лесу, то увидела, как за этой девочкой гонится толпа каких-то подростков. Они стали над ней издеваться, вот мне и пришлось вмешаться. В общем, девочка мне рассказала, что увидела в кустах труп. Мы вместе пошли и посмотрели. Все оказалось правильно: там девушка мертвая лежит. Сразу же после этого мы пошли к вам доложить о происшествии.

Я старалась говорить четко и ясно, таким протокольным языком. Как составляются протоколы, я знала. Во-первых, мне не раз приходилось сталкиваться с разного рода расследованиями. Бывало и такое, что занимаясь ими, мы с Ольгой невольно выступали то в роли свидетелей, то в роли понятых и даже подозреваемых.

Во-вторых, мой бывший муж и теперешний любовник Жора Овсянников работает старшим следователем УВД города Тарасова, и на работе у него я бывала не раз, и за помощью к нему обращалась довольно часто, занимаясь этими самыми расследованиями. Как-то так получалось, что мы с Ольгой оказывались втянутыми во всякого рода криминальные истории и по разным причинам принимались их раскручивать. Так что с Жорой я наобщалась по его профессиональным делам предостаточно. Может быть, именно поэтому и личные отношения стали помаленьку налаживаться.

Теперь я, выложив все, стала ждать от Прохорова дальнейших действий.

– Так, – сказал участковый и почесал пятерней затылок. Потом еще раз сказал, – так.

Он грузно поднялся с крыльца, прошел в дом и вернулся, надевая на голову старую милицкую фуражку.

– Пошли, – буркнул он нам. – Понятых по дороге найдем – там обязательно кто-нибудь встретится.

Мы с Катей поднялись и направились к лесу.

– Поля! – услышала я вдруг радостный женский крик и обернулась.

Навстречу мне, раскинув руки для объятий, летела Ольга. Глаза ее были широко распахнуты и радостно блестели.

– Как я рада тебя видеть! – налетела она на меня.

– Я тоже, – осторожно ответила я, обнимая сестру и подставляя щеку для поцелуя.

Ольга обмуслявила мне все лицо и чуть не задушила.

– Послушай-ка, – отстраняясь, спросила я. – А что это ты делаешь в лесу?

– Как что? – искренне удивилась Ольга. – Тебя встречаю!

– Да? Замечательно! – усмехнулась я, чувствуя, однако, как внутри все начинает просто закипать от гнева. – Встречает она меня! Я, между прочим, час назад приехала!

- Да что ты! – ахнула Ольга. – Не может быть! Что, автобус пришел так рано?
- Нет, он пришел вовремя. Просто кое-кто пришел слишком поздно!
- Кого ты имеешь в виду? – насторожилась Ольга.

Во время этого разговора участковый Николай Трофимович Прохоров стоял рядом и недоуменно переводил взгляд с Ольги на меня.

– Полина, я же хорошо помню – ты сказала, что приедешь в двенадцать!

– В одиннадцать! В одиннадцать, я сказала! Вечно ты ничего запомнить толком не можешь!

– Э-э-э... – напомнил о своем существовании участковый Прохоров. – Послушайте, гражданки, может быть, потом отношения выясните? Надо же с делом разобраться!

– Да-да, конечно, – быстро повернулась я к нему. – Извините, ради бога, моя сестра такая рассеянная. Оля, нам нужно идти. тут случилось одно происшествие, мне, похоже, придется выступить свидетелем.

– И вы с нами идете, – сказал Прохоров. – Понятыми будете.

Ольга, ничего не понимая, переводила растерянный взгляд с меня на участкового.

– Оля, только не волнуйся, – попыталась успокоить я ее. – Там, понимаешь, девушку убили...

Ольга ахнула и прижала руки к груди.

– Боже мой! – только и вымолвила она. – Боже мой!

– Пойдемте! – повторил Прохоров и двинулся к лесу.

Я взяла Ольгу под руку и повела за собой. Катя семенила сзади. Впереди грузно шагал Прохоров.

– Вон там! – указала я на кусты, за которыми видела лежащую девушку.

Прохоров, пыхтя, пролез туда, раздвинул кусты и уставился на труп.

Я с беспокойством посмотрела на сестру.

Ольга стояла белая как полотно. Увидев лежащую на земле девушку, она подняла руку и дотронулась до горла.

– Оля... – я тронула ее за руку. – Ты в порядке?

– Д-да... – как-то вымученно выдавила из себя Ольга и тут же, согнувшись пополам, кинулась к соседним кустам.

Я молча ждала, пока приступ тошноты пройдет, потом увидела, как Ольга, пошатываясь и хватаясь левой рукой за ветки, выбирается из кустов.

Я подошла и протянула ей носовой платок. Ольга послушно утерла слезы. Вспомнив о бутылочке минералки в сумке, я достала и ее:

– Попей, Оля.

Ольга сперва прополоскала рот, потом с жадностью сделала несколько глотков. С благодарностью взглянула на меня.

– Успокойся, Оля, в конце концов, мы с тобой нередко встречались со смертью... – мягко произнесла я и погладила Ольгу по руке.

– Да, конечно, – кивнула Ольга. – Но я все равно никогда не смогу к этому привыкнуть.

Я только вздохнула. Ах, Ольга, слабенькая, чувствительная, эмоциональная... Конечно, мне тоже было жаль эту убитую молодую девушку, но что уж так убиваться-то? В конце концов, она нам никто, мы даже не знаем, как ее зовут.

Участковый Прохоров возился вокруг тела, бормоча себе под нос:

– Подумаешь, какие мы нежные! Труп, можно подумать, никогда не видали!

– Послушайте! – решительно обратилась я к нему. – Может быть, мы пойдем? Сколько можно нас держать? По-моему, мы свою задачу уже выполнили. Видите, моей сестре плохо!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.